

Андрей Фатеев

«Реконструкция» и политический заказ на социальные нормы индустриального общества

(Фрагмент монографии «Сталинизм и детская литература. 1930-е – 1950-е гг.»)

«Любить детей – это и курица умеет. А вот уметь воспитывать их – это великое государственное дело, требующее таланта и широкого знания жизни».

М. Горький.
«О новом и старом»

В конце 30-х годов XX века советское правительство решило, что «реконструкция» народного хозяйства завершилась. На основе новой конституции состоялись «выборы». В ноябре-декабре 1938 закончились массовые репрессии. Были упразднены все внесудебные органы. Проведенная в 1939 году перепись населения показала, что за прошедшие 12 лет Советский Союз стал аграрно-промышленной державой, в которой действовали все универсальные тенденции индустриального общества: индустриализация, урбанизация, миграция крестьян в города, интернационализация городов, механизация сельского хозяйства, сосредоточение производства основных продуктов сельского хозяйства в крупных хозяйствах, существенное изменение роли женщин на производстве, демократизация семьи, повышение культурного и образовательного уровня населения [1]. Численность городского населения увеличилась в два раза, в основном за счет притока сельских жителей, что позволило обеспечить трудовыми ресурсами промышленные предприятия и новостройки. В январе 1939 года в РСФСР насчитывалось 572 города и 743 поселка городского типа. 75% городского населения было сосредоточено в городках от 5 до 20 тысяч человек. Численность населения Москвы и Ленинграда составляла соответственно 4 млн. 137 тыс. и 3 млн. 191 тыс. человек. При всех успехах общество оставалось традиционным по типу воспроизводства населения: в нем велик удельный вес детей, подростков, высокая рождаемость сопряжена с высокой смертностью, низкой средней продолжительностью жизни. Сельское население составляло две трети, имело тенденцию к сокращению. В 1939 году население от 0 до 20 лет составляло в деревне 48,5%, по стране 45%.

Политика правительства обострила социальные проблемы. В городах катастрофически не хватало жилья. Правительство предпринимало жесткие меры по удержанию населения в деревне, прежде всего молодежи. Людские потери в 30-е годы составили глубокие «демографические ямы» среди населения в возрасте от 0 до 10 лет. Форсированная индустриализация и коллективизация породили ГУЛАГ, игравший определенную роль в экономической жизни, воспроизвели в новых исторических условиях государственное рабовладение. По решению ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 31 мая 1935 года в системе НКВД был создан Отдел трудовых колоний, имевший своей задачей организацию приемников-распределителей, изоляторов и трудовых колоний для несовершеннолетних беспризорных и преступников. До января 1940 г. приемники-распределители ГУЛАГа пропустили почти 953 тыс. подростков, которые были направлены как в детские учреждения Наркомпроса, Наркомздрава и Наркомсобеса, так и в трудовые колонии ГУЛАГа. К октябрю 1940 г. в СССР насчитывалось 48 колоний для несовершеннолетних, из них 31 – в РСФСР. Через них за пять лет было пропущено 155,5 тыс. подростков от 12 до 18 лет, из них почти 69 тыс. судившихся и 86,5 не судившихся. Из числа не судившихся воспитанников колоний для несовершеннолетних создавались пионерские отряды и комсомольские организации. На 1 марта 1940 года в них насчитывалось 4126 пионеров и 1075 комсомольцев – 6 % воспитанников.

Отставание СССР от западных стран было все еще велико, особенно в аграрном секторе, в области культуры, быта. «Прямо стонет душа: когда же, наконец, будет все чистым, блестящим, лучшим? – отметил в записных книжках 1940 года член ЦК ВКП (б), известный писатель В.В. Вишневский. - Когда народится во всех, в каждом (выделено автором — А.Ф.) органическая потребность красоты, изящества?.. Хотел бы увидеть страну подлинно вровень с европейской бытовой культурой...» [2].

Перед страной возникли новые задачи, которые сказались на работе пропагандистского аппарата. 14 ноября 1938 года вышло постановление Политбюро (ПБ) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)». Руководители партии поставили задачу освободить марксизм от вульгаризаторства и создать во всех структурах партии отделы пропаганды и агитации. В ЦК партии 21 ноября 1938 года подобный отдел возглавил секретарь ЦК А.А.Жданов.

Он же курировал ВЛКСМ. В январе 1939 года заместителем заведующего агитпропом был назначен Г.Ф. Александров, который сосредоточился на контроле над важнейшими средствами пропаганды: кино, театром, литературой.

Значительный вклад в развитие идеологии в марте 1939 года внес XVIII съезд ВКП (б). Форум провозгласил тезис о возможности построения коммунизма в отдельно взятой стране – СССР. Заявил о завершении реконструкции на основе передовой техники. Об укреплении морально-политического единства народа. Победа социализма, отмечалось в решениях съезда, закреплена в новой конституции, начинается период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму. Были сформулированы важнейшие задачи: догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения; всемерно укреплять советское государство и его карательные органы в условиях капиталистического окружения; развивать сферы образования, культуры, повышать уровень рабочих до инженерно-технических работников (ИТР). В докладах И.В.Сталина и других партийных деятелей отмечалось, что в стране Советов обеспечено фактическое равенство граждан и демократические свободы, что СССР перегнал капиталистические страны в области техники производства и темпов роста промышленности. Особый упор делался на отсутствие антагонистических классов и «картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции». «На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм», — констатировал Сталин. Единственное, что могло поколебать советский строй, считали руководители СССР, это убийцы, шпионы и вредители. Уничтожение их обеспечивало «однородность и внутреннее единство тыла и фронта на случай войны». Зарубежную критику советской внутренней политики Сталин называл «пошлой болтовней», которая стоит только того, «чтобы поиздеваться над ней». Было принято решение о создании Управления пропаганды и агитации в составе ЦК ВКП (б) (УПА) [3].

Особое внимание было решено уделить воспитательной работе в школе. Партийные руководители, выражая точку зрения ЦК ВКП (б), констатировали, что за 10 лет страна серьезно изменилась, а уровень пионерской воспитательной работы остался прежним [4]. Соответственно, резко возросли требования к детской литературе. Литература социальной направленности для подростков и юношества должна была охватить примерно 19, 5 млн. учащихся только в школах РСФСР [5]. Если учесть, что люди молодого возраста составляли почти половину населения, детская литература могла внести большой вклад в развитие страны. Писатели, в том числе В. А. Каверин, не раз констатировали, что журналы «Пионер» и «Костер», в которых публиковались все произведения детской литературы, с удовольствием читали и малограмотные красноармейцы [6].

Государственный заказ – цели и задачи комсомола и детских писателей в новых условиях – сформулировал X Пленум ЦК ВЛКСМ в декабре 1939 года. Главный вопрос пленума – «О работе комсомола в школе». На декабрь 1939 года в школах было 42140 комсомольских организаций, в которых состояло 1,5 млн. комсомольцев из 10 миллионов. Это была быстро растущая в связи с энергичным строительством школ сила: только за 9 месяцев года возникло еще 6 тыс. организаций [7]. В третьей пятилетке предусматривалось значительное увеличение количества учащихся: в городах с 8,6 млн. до 12,4, на селе с 20, 8 до 27,7 млн. Доклад делал первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов [8]. Докладчиком об уставе школы, правилах поведения учащихся и задачах комсомольских организаций по укреплению дисциплины был второй секретарь Н.Н. Романов. С третьим вопросом: «О плане выпуска детской литературы в 1940 году», выступала секретарь ЦК ВЛКСМ О.П. Мишакова. Подготовка пленума шла под контролем секретарей ЦК ВКП (б) А.А. Жданова, Г.М. Маленкова.

Исходя из установки о возрастании культурно-воспитательных функций государства в период «перехода от завершения строительства социализма к коммунизму», Михайлов потребовал «решительного поворота к школе всего комсомола». 1940 год должен был стать переломным в этом отношении. В числе важнейших задач первичных организаций были: искоренение пережитков капитализма в сознании молодых людей, «борьба за отличное овладение основами наук, на укрепление сознательной дисциплины»; за овладение культурой широкими массами молодежи; подготовка кадров для армии и флота в преддверии войны.

Комсомольские группы в школах, личный пример комсомольских работников и стенная печать должны были сыграть значительную роль в формировании личности вежливого, культурного, бережливого, дисциплинированного, здорового и сильного, чистого и опрятного учащегося – отличника учебы [9]. Идеал ученика предопределяли программные документы: «Правила юных пионеров», Устав средней школы и правила поведения учащихся. Решения требовали воспитывать у пионеров любовь к Родине и Сталину, смелость, честность, правдивость, любовь к труду, умение не бояться трудностей и преодолевать неудачи [10]. «Надо внушить каждому ученику, - заявил Михайлов, - что он завтрашний государственный деятель, завтрашний боец и командир Красной Армии, завтрашний стахановец, командир промышленности и здесь, конечно, нам не нужны митрофанушки из комедии Фонвизина, нам нужны честные, образованные, активные граждане социалистического государства» [11]. Внушением должны были заниматься писатели, которые, ставил задачу Романов, «должны будут на основе правил поведения пионеров создать ряд хороших произведений, которые помогли бы укреплению пионерорганизации» [12].

Комсомол был обязан содействовать росту авторитета учителя в школе и обществе. Михайлов, другие выступающие были убеждены, что учитель уже «поднят у нас на такую высоту, на которой он никогда не стоял», «ленинский завет об учителе в нашей стране выполнен полностью». Обосновывая свою мысль, комсомольские работники и

чиновники системы просвещения пропагандировали тот факт, что 4 тыс. учителей были награждены правительственными орденами и медалями, их избирали депутатами Советов [13]. Представители этой «учительской аристократии» считались выразителями мнения всего учительства. Однако большинство учителей чувствовали себя иначе. Только в августе-ноябре 1940 года наркому просвещения пришли письма о плохом обеспечении хлебом учителей: из Челябинской области – 12, Омской – 17, Алтайского края – 11, Красноярского края – 5, Орджоникидзевской области – 7, Московской области – 8, Новосибирской – 5, Башкирской АССР – 5. Имелись отдельные сигналы из Смоленской, Кировской, Ивановской, Пензенской, Горьковской, Чкаловской, Куйбышевской областей. В письмах содержались типичные сведения: высокие цены на хлеб, его плохое качество, несистематический привоз, отдаленность магазинов, занятия при свечах, а то и при лучинах. Учитель Бородинской неполной средней школы Эстерманского сельсовета Кормиковского района Омской области Николай Колпиков писал: «Многоуважаемый тов. Потемкин! Я, учитель 3 класса, не могу работать в таких условиях, в каких сейчас нахожусь. Прошу Вас освободить меня от должности учителя. Оклад мой, как Вы уже знаете, 193 р. 50 коп., из них – 25 руб. облигации, разные налоги, комсомольский и профсоюзный взносы, и остается мне какие-нибудь 150 руб. в месяц. Сейчас здесь у нас, в совхозе № 156, все дорого. Мне этих денег не хватает даже прокормиться. Отпускают нам здесь всего лишь по 700 граммов хлеба, и то не все время этот хлеб бывает. В столовую ходить очень дорого. Моей полочки хватает питаться только на 10 дней, а остальные 20 дней я должен сидеть и голодать» [14]. Дефициты, нищета подрывали профессиональную этику. Учителя Старо-Голь-Еланской начальной школы Полянский район Воронежской области отмечали: «Покупаем на рынке, платим бешеные деньги, а порой пользуемся услугами спекулянтов. Вместо того чтобы быть застрельщиками в борьбе со спекулянтами, идешь к ним и берешь; в противном случае можешь остаться без чулок, платья и мыла» [15].

Громкие заявления о престижности профессии должны были ободрить учителей, но, с другой стороны, и возложить на них всю полноту ответственности, в том числе за недостатки системы. «Нет надобности докладывать, что дело здесь не в объективных причинах, а в нас – комсомольских работниках, в органах народного образования, в кадрах», - заявил Михайлов, анализируя причины низкой успеваемости и дисциплины в школах [16].

Неразвитое общество и государство еще не имели времени и сил на формирование квалифицированных кадров учителей, готовых решать сложные задачи [17]. Более того, бюрократия варварски относилась к имеющимся кадрам. С целью показать «безобразнейшие факты», бездушие местных руководителей, Михайлов рассказал историю педагога Барабас. Одинокая учительница с ребенком была распределена из Красnodара в Дагестан. На месте ей дали квартиру в доме без печи, без дверей, с худой крышей. Чиновники не откликнулись на просьбы учительницы улучшить ее жилищные условия. В результате нечеловеческих условий для проживания ребенок умер. Барабас уехала в Москву «искать правду». «Вместо того чтобы по существу разобраться в этом деле, наказать виновников, - возмущался Михайлов, - Наркомпрос привлек учительницу Барабас к ответственности, приклеил ей ярлык прогульщика и снял ее с работы. Разве это не элементы хулиганского отношения к кадрам?» [18].

Вопрос о необходимости уважительного отношения к трудящимся, к «интеллигенции» возник в связи с прекращением кампании репрессий, началом реабилитации отдельных граждан. Репрессии сильно ударили по учительским кадрам. В духе времени были найдены «головотяпы» (И.Сталин) – нижестоящие местные комсомольские функционеры. Михайлов подбирал эмоциональные примеры, чтобы поставить точку в вопросе о репрессиях. Факты показывали отсутствие каких бы то ни было прав у любого гражданина СССР, который посмел выступить против бюрократического произвола начальства. «Будучи председателем ревизионной комиссии колхоза, - докладывал Михайлов о деле учителя, исключенного Орловским областным комитетом ВЛКСМ за «контрреволюционные выступления», - тов. Романов восстал против незаконных действий Поцелуева – председателя колхоза, который неправильно снабжал продуктами некоторых работников колхоза. Однако обком не счел необходимым проверить эти материалы и незаконно исключил учителя из комсомола» [19]. «Поцелуй бюрократии» дорого обошелся учителю, но ему повезло: ЦК ВЛКСМ реабилитировал комсомольца вследствие изменения конъюнктуры.

Курс на развитие школы действительно не мог быть реализован без повышения авторитета профессии учителя в массовом сознании. Романов пропагандировал идеал, выдавая его за реально существующий: «Учитель – это заботливый и внимательный человек, который объясняет непонятное, учит, приобщает к культуре, помогает в жизненной ориентировке, дает направление мысли и стремлениям. Учитель – товарищ и руководитель, друг и воспитатель. Он передовой человек нашей родины, окруженный вниманием и заботой всей страны» [20].

Слова словами, а в реальности чиновники не были удовлетворены работой учителей. Директор школы А.Ф. Солохин сетовал, что учителя еще недостаточно политически грамотны и, путая причину и следствие, возложил на них ответственность за недостатки школы: «Борьба за высокую успеваемость и сознательную дисциплину часто еще ведется, если хотите, для отделов народного образования, потому что этого требуют последние. Отсюда случаи очковтирательства, процентомании и т.д. У нас еще нет разрешения этого вопроса учителем и школой, как важнейшего политического вопроса» [21].

В контексте выступлений Сталина взгляд на проблему «как на политический вопрос» был синонимом целостного, системного взгляда на советский строй в духе идеологии номенклатуры, и, в соответствии с ним, четкое определение своего места и роли в работе партии и народа. Ощущение себя, можно выразиться и так, «винтиком» в

сложном механизме, с помощью которого ведется грандиозное историческое преобразование реальности. В механистическом взгляде на себя в индустриальное время никто не видел оскорбления. Но как только чиновники брались за дело, системный взгляд на мир и подход к реальности уступал место метафизическому, одностороннему подходу, предопределенному их классовым положением. Пример – обсуждение на пленуме вопросов об отсевах учеников из школ и о зарплате пионерских вожатых. С «немотивированным» исключением учеников чиновники связывали увеличение количества безнадзорных детей, рост подростковой преступности в целом. Во всем оказались виноваты школьные работники. Вопрос об общих причинах – об отсутствии мотивации учения, о формальных критериях работы школы – по проценту успеваемости, которые вынуждали директоров освобождаться от неуспевающих, нищете духовной и материальной в семьях, отсутствии средств у государства для достойного, в зависимости от способностей, содержания учащегося в школе, о распротранении в школе авторитарной педагогики – не ставился. Чиновники скользили по поверхности сложнейших общественных проблем, агрессивно реагируя на любые попытки объективно взглянуть на причины недостатков.

Занять детей в школах и предотвратить рост преступности, по мнению руководителей комсомола, должны были пионерские вожатые – один из главных образов в детской литературе. На 13 миллионов пионеров приходилось 400 тысяч вожатых, из них 25 тысяч – старших, получавших зарплату. В декабре 1939 года во многих школах вожатых не было [22]. Михайлова возмущало, что райкомы комсомола посылали на пионерскую работу людей малограмотных, стоящих порой по своему уровню ниже пионеров. В подтверждение он привел факты: из 165 старших вожатых Ростокинского, Киевского, Советского, Ленинградского и Дзержинского районов города Москвы 125 вожатых имели только начальное и неполное среднее образование. Секретарь напрямую связывал этот факт с лидерством районов по детской преступности [23]. В результате пионеры попадали под влияние преступных элементов. На пионерских сборах не было принято обсуждать важные вопросы: «Пионер на сборе не активист-участник, а равнодушный зритель и неудивительно, что ребята порой с пионерских сборов уходят на пустырь, гоняют там мяч, играют там в Чапаева, Щорса, Александра Невского, по существу там продолжается сбор, но без вожатого» [24]. Секретарь ЦК украинского комсомола Хоменко подошел к вопросу о развитии вожатского движения практично. «Нетерпимо, товарищи, и такое положение, – говорил он, – когда пионервожатые и старшие пионервожатые в школе получают явно неудовлетворительную ставку. (С места: Правильно). Неужели нужно доказывать известное положение, что на такое жалование, которое имеет пионервожатый в школе – 250-300 рублей, не пойдет квалифицированный педагог..., а пойдет только тот, кто не имеет вообще работы, не имеет квалификации, он доволен, если ему предлагают эту работу и он идет на эту работу. (Из Президиума – Зачем таких брать). Я тоже ставлю так вопрос – зачем таких брать. И надо ответить так, что надо этот вопрос пересмотреть. (Громов – Нужны ли старшие вожатые?)». Секретари ЦК ВЛКСМ, не ожидавшие, что разговор пойдет о необходимости повысить зарплату младшему педагогическому персоналу, выступили категорически против предложения. В противовес нищестоящим работникам они апеллировали к сознательности трудящихся, формирующейся, по их убеждению, по мере роста общей грамотности работников. «Принципиально неправильная постановка вопроса, что в ставке дело, – заявил Громов. – Правильно подсказывает т. Мишакова, что ему тысячу рублей дай, но если он неграмотный все равно ничего не выйдет). (Шум в зале)». Хоменко безрезультатно апеллировал к усилению роли и значения учителей после недавнего повышения ставок зарплаты [25]. С его мнением руководители комсомолам не желали считаться. К тому же в словах Хоменко содержалась большая доля иллюзии, что и показали другие участники пленума: даже после повышения зарплаты в Белоруссии не хватало 2 тысячи учителей и поступали жалобы на их низкую квалификацию [26].

Утопические установки номенклатуры о возможных способах решения социальных и педагогических проблем, которые демонстрировали материально обеспеченные комсомольские функционеры, закономерно вытекали из курса высшего руководства партии на «замораживание» зарплат трудящихся: деньги шли на развитие тяжелой промышленности, прежде всего оборонных отраслей, и армии. В этих условиях секретари ЦК комсомола, проводя в жизнь государственный курс в своей сфере, агрессивно реагировали на любые предложения, связанные с непредусмотренными расходами, в частности, на повышение зарплаты вожатым. Кроме номенклатурного убеждения, что на низкооплачиваемую и непрестижную работу можно найти молодых энтузиастов, готовых длительное время выполнять труднейшую работу, у них еще были и большие возможности административного нажима на трудящихся. «Везде и всюду критикуют вожатого, всю ответственность пытаются переложить на плечи вожатого, стараются избить вожатого», – отметил работник ЦК ВЛКСМ Постников, который специально к Пленуму изучил историю пионерского движения по документам комсомола [27].

Соответственно, методы и приемы воспитательной работы были неадекватны ситуации. В частности, в конце 1930-х годов остро стоял вопрос о воспитании учащихся посредством материала учебных дисциплин. Однако негативные моменты советского образа жизни отразились даже в математических задачах, что возмутило секретаря Ленинградского горкома ВЛКСМ Гольдина. «Продавец отпускает в час 9 покупателей. За сколько он отпустит очередь в 45 человек? – со смехом читал секретарь. – Вот современное, а кому нужно такое воспитание? Другой пример, задача в этом же духе: «Работница получает на заводе 10 рублей в день, из них 7 рублей она посылает родителям в колхоз. Сколько ей остается на прожитие?». Правильна эта задача? Нет, неправильная. (Голос из президиума: Вредная задача). Вот и я говорю – вредная задача. Стало быть, о чем речь идет? Речь идет о единстве обучения и воспитания, о единстве требований» [28].

Между тем, речь шла не столько о принципах педагогики, сколько об отражении в задачах несправедливых отношений собственности и неэффективного хозяйственного механизма, о государстве, которое обрекает семьи учеников на нищету и бесконечные хлопоты о хлебе насущном. О бессмысленной потере времени в очередях за товарами повседневного спроса. Об огромном количестве людей, переместившихся из деревни в города и еще не освоивших городской образ жизни и индустриальную культуру. О невменяемости номенклатуры, которая не желает видеть очевидного, а упоминание о нищете народа расценивает как вредительство. О действительном курсе номенклатуры на отрыв обучения от жизни, стремлении использовать школу для насаждения пропагандистских иллюзий о советском образе жизни. Все эти моменты не могли не сказываться на мотивации учения, дисциплине и успеваемости учащихся, мешали воспитанию качеств, перечисленных самим же Гольдиным: уважение к порядку, умение быть внимательным, умение трудиться, быть исполнительным, осознавать правовую ответственность [29]. Тех же детей, которые не вписывались в рамки создаваемой школы, Гольдин предлагал учить в «специальных школах с особым режимом для дефективных детей и тех учащихся, которые систематически нарушают школьную дисциплину». Постановление СНК от 13 сентября 1935 года позволяло делать подобное, и Гольдин интересовался практической стороной дела: где же эти школы? [30]

Пленум продолжил работу, начатую в середине 30-х годов, по выработке новых норм, соответствующих советскому варианту индустриального общества. Однако окружающая ребенка действительность, в том числе преступность, проявления социальной несправедливости, голод и нищета трудящихся, все возрастающий отрыв «верхов» от «низов», проявления авторитаризма и процентомании, формализма, которыми была пронизана вся школьная жизнь, не могли не провоцировать учащихся на недисциплинированность, презрительное отношение к социальным и ведомственным нормам.

Руководство страны по-прежнему рассматривало детскую литературу как важнейший элемент политического и социального воспитания детей путем внушения и целенаправленно шло к развитию индустрии детской книги. О.П. Мишакова в докладе о плане выпуска детской литературы на 1940 год выразила неудовольствие состоянием дел. «Слишком мал и круг писателей, которые пишут книги о нашей Родине, о советских людях, о наших детях и о наших достижениях», - критиковала секретарь Детиздат. «В 1938 году в Детиздате не вышло ни одной технической книги, в 1939 году ни одной технико-конструктивной книги. Наша Родина предъявляет к научному и техническому воспитанию детей серьезные требования. Страна наша оснащена высокой передовой техникой, - продолжала она. - В 1938 году Советский Союз поставил себе задачей догнать и перегнать экономически передовые капиталистические страны. В свете достижений советской науки и техники, успехов нашего народного хозяйства особенно ярко чувствуется, как отстает детская литература от требований времени» [31]. Для активизации кадров использовался авторитет классиков: «Ленин считал вопрос о литературе частью политических задач пролетариата. Товарищ Сталин называл писателей инженерами человеческих душ. Эти слова имеют особое значение для детской литературы. Детская литература воспитывает наше юное поколение, нашу смену» [32].

Мишакова была сторонником радикальной реорганизации и перестройки работы секции детских писателей. Писателям предстояло отразить в полноценных художественных произведениях многогранную жизнь страны, показать ее отличие от капиталистических стран. Создать яркие художественные книги о вождях народа: о Ленине, Сталине, Ворошилове, Кирове. О деятелях науки, культуры, искусства прошлого и настоящего: о Ломоносове, Герцене, Пушкине, Чайковском, Лысенко, Жуковском. Наблюдался острый дефицит книг о Красной Армии, авиации, ВМФ для 14-15-летних. «О советской деревне нужно писать также увлекательно, как пишет Папанин об Арктике, как Гайдар - о детях, Кассиль - о футболистах», - выделила секретарь одно из важных направлений писательского творчества. Для пополнения писательских рядов она рекомендовала искать авторов будущих книг среди агрономов, сельских учителей, врачей, комсомольских и партийных работников, академиков. В книгах должен был быть отражен быт советской семьи. Предполагалось издание книг о путешествиях, научно-фантастических романов и книг о развитии человечества от первобытности до наших дней, антирелигиозной литературы [33]. «Литература должна быть поставлена на высоком уровне, - ставила задачу перед писателями Мишакова, - должна правдиво отражать жизнь, явления жизни, а не водить ребенка вокруг жизни, не держать его в сусальном-мармеладном представлении» [34].

Предвоенное время определило еще одну задачу, впервые поставленную перед писателями на столь высоком уровне, но уже осуществляемую на практике. «Детская литература должна воспитывать у детей чувство патриотизма, - декларировала Мишакова, - готовность к беззаветной борьбе, практические способности защищать родину» [35].

После сокрушительной критики руководителю ССП А.А. Фадееву ничего не оставалось, как только заняться самокритикой. «Иди, покайся», - иронично напутствовал друга Л.А. Кассиль, когда тот шел на трибуну. Фадеев признался, что в ССП очень много косности и существует явная недооценка значения детской литературы. С его точки зрения, мысли в детское сознание надо было внедрять осторожно. В качестве примера привел случай из своей собственной жизни: рассказал о потрясающем впечатлении от книги о буржуазной демократии в Новой Зеландии, с которой он - подростком - познакомился еще в царские времена. Что касается правды жизни, которая должна присутствовать в книгах, то Фадеев по уже устоявшейся привычке сослался на мнение Сталина, просившего писателей идти от жизни, писать правду о революционном развитее действительности [36]. Фадеев не уточнил, представление какой социальной

группы о «правде» действительности должно было отразиться в детских книгах. Номенклатурные работники считали, что у всего советского народа одна правда, выразителями которой являются они.

Столь резкое обсуждение на пленуме вопросов руководства школой и развития детской литературы было продиктовано двумя обстоятельствами. Во-первых, намерением власти навести элементарный порядок в социальной сфере, в образовании, потрясенных реформами в области промышленности и сельского хозяйства. Рост детской беспризорности и безнадзорности объективно входил в «цену» реформ, но правительство считало причиной только «отсутствие воспитательного воздействия со стороны семьи, слабый охват детей внешкольными мероприятиями, недостатки в воспитательной работе школ, детдомов и комсомольских организаций» и было вынуждено констатировать, что принятые ранее решения по данным вопросам не выполняются [37]. Ежегодно тысячи детей не были охвачены обучением, покидали школу [38]. Детская преступность росла всю вторую половину 30-х годов [39]. Во-вторых, намерением руководителей Советского Союза формировать новое поколение людей, подготовленных к защите Родины, готовых жить и трудиться в индустриальном обществе. В этом состояло коренное отличие воспитательной политики руководства СССР от фашистской Германии и других стран Запада, где жило уже несколько поколений людей индустриального общества. Прагматичные цели приняли, в духе времени, форму идеологических клише.

Судя по ситуации в стране и в образовании, интересы которого в первую очередь должна была обслуживать детская литература, воспитание при помощи литературы было трудным делом. Писательское сообщество должно было подчинить свои творческие амбиции реализации государственной задачи. Ощущалась нехватка «средних» квалифицированных писателей, готовых немедленно приступить к выполнению заказа. Нищета народа, отсутствие широких слоев населения, приученных к систематическому чтению, еще не заверщенное становление школы, нехватка квалифицированных учителей, прежде всего словесников и историков, необеспеченность учебниками и дидактическими материалами затрудняли внедрение литературы в массы. Более того, политика государства предусматривала усиление эксплуатации учителей. В июле 1940 года, после выхода в свет Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», нормы нагрузки были увеличены, а расчетные ставки учителей остались без изменений. В результате стоимость одного часа работы уменьшилась на четверть [40]. И без того низкая заработная плата не доходила до учителей вовремя [41]. Однако шаг вперед был сделан – так, как это только и могло произойти в государстве, которое эксплуатирует своих граждан: через усиление эксплуатации, применение репрессивных мер и идеологическую обработку населения.

В начале 1940 года комсомольская печать активно обсуждала итоги пленума. «Надо всему комсомолу работать в школе вместе с учительством, повышая его авторитет, помогая ему», - подчеркивала передовая «Комсомольской правды» от 9 января 1940 года. Вслед за участниками пленума газетчики приводили факты неуважительного, подчас издевательского отношения к учителю со стороны учеников и требовали поправить ситуацию в школах [42]. Н. Ивантер в «Заметках о 10 классе» [43] показал, что школьники – совсем не идеал: они списывают и не считают это воровством чужих мыслей; процветает зубрежка; замыслы в совместных делах оборачиваются благими порывами; юноши и девушки не читают газет, не знают классическую музыку, а к спорту большинство класса относится «платонически». Автор считал, что комсомол должен сосредоточиться на устранении подобных недостатков. Педагог Д. Гутнер требовал наладить контроль над детским чтением [44]. В ряде «взрослых» газет появились страницы для детей и их родителей [45].

По всей стране прошли активы областных комитетов комсомола, на которых комсомольцы разрабатывали программы по оказанию помощи школе в своем регионе. В Ленинграде комсомольцы пригласили выступить писателя-орденоносца М. М. Зощенко [46]. Вслед за секретарями ЦК Михаил Зощенко попытался опровергнуть точку зрения о непрестижности статуса детского писателя. Его личный опыт обращения к детской литературе свидетельствовал, что требовательный детский читатель не будет читать плохую книгу, он заставляет писателя совершенствовать мастерство, добиваться максимальной ясности в языке, в композиции, в теме произведения. Зощенко сослался на конкретный пример: его рассказы о Ленине, написанные специально для детей, с удовольствием взялся напечатать журнал для взрослых. Михаил Михайлович четко поставил вопрос о социальной направленности детской литературы. «Я не против трогательного описания жизни кошек и птичек, - несколько иронично заявил он. - Но не хотелось бы этим заслонять человека. Следовало бы обратить внимание на вопросы морали, причем морали самой элементарной. Детская литература этим мало занята. А это крайне необходимо. Вранье, хвастовство, грубость – вот нужные темы для детской литературы, вот что следовало бы с помощью юмора осмеять, вычеркнуть из обихода. Ведь не только школы, но и мы все отвечаем за нравственный облик нового поколения. Гражданину социалистического мира не пристало иметь такие дефекты» [47].

Воспитание нового поколения «всем миром» не было фантазией писателя, но педагогическим принципом, который попытались осуществить руководители государства. На всю страну прогремела инициатива завода «Серп и молот»: трудовой коллектив обсуждал поведение детей своих коллег и пытался помочь школе в перевоспитании трудных подростков. На подобном собрании в коллективе завода «Светлана» в Выборге было принято решение повысить педагогическую культуру родителей и организовать в школах кружки. Родители, которые не следили за

успеваемостью и поведением детей, были подвергнуты публичной критике [48]. Можно только представить, что творилось в семьях после возвращения отцов с собрания...

Борьба с хулиганством, за высокий моральный облик гражданина в бюрократическом государстве часто приобретает характер кратковременной кампании и тяжело сказывается на судьбах молодых людей. После пленума, 24 февраля 1940 года, в «Правде» под заголовком «Покончить с хулиганством в школах» было опубликовано письмо за подписью Е.Ф. Гнесиной, О.Л. Книппер-Чеховой и других известных гражданок. В корреспонденции упоминался случай об избииении пионера-активиста двумя бывшими учениками, исключенными ранее из школы «за разложение и хулиганство»: активист по совету завуча сделал попытку вызвать отца отстающего ученика, мешавшего классу и школе повысить процент успеваемости, на заседание совета пионерского отряда. По мнению редактора «Учительской газеты» В.А.Голенкиной, которая постфактум попыталась объективно разобраться с этим делом, заявление в «Правде» усугубило положение подростков. «Совершенно не подтвердилась попытка придать всему делу политическую окраску, доказать наличие «чуждой вражеской руки», - отмечала Голенкина. - Между тем это заявление, несомненно, повлияло на то, что прокуратура отказалась выдать арестованных детей на поруки родителям» [49]. Подписантов ввел в заблуждение директор школы, который отстаивал версию об антисоветской вредительской деятельности подсудимых. В Даниловском следственном изоляторе дети прожили месяц в ожидании суда. За это время они познакомились с тюремным бытом: принудительной игрой в карты, избиваниями, половыми извращениями. Попытка одного из родителей пожаловаться в ЦК ВЛКСМ оказалась безрезультатной: работник ЦК ВЛКСМ ответил, что «факты не подтвердились» [50]. Через месяц главный фигурант по делу – совершеннолетний – был полностью оправдан судом, а подростки получили по одному году условно. Об информации Голенкиной, осевшей в архивах ВЛКСМ, широкие круги общественности ничего не узнали. Немногие прочитали и об итогах дела. О них сообщила «Учительская газета» [51], не сопоставимая с «Правдой» по тиражу, авторитету и силе воздействия. Интерпретация факта в статье Л. Шнайдера в марте 1940 года укладывалась в русло установок, predeterminedенных партией и комсомолом: виноваты учителя и родители, которые не направляют детское чтение, не отвлекают от «улицы» культурно-просветительными мероприятиями, реанимируют «пресловутые левацко-прожестерские методы борьбы школьников за промфинплан» – за успеваемость.

Вопросы о влиянии антагонистических отношений в государстве на уровень и формы детского насилия, о правовом нигилизме карательных органов, о бюрократических традициях в образовании был обойден. Государство, одной рукой предпринимая меры по ускоренной социализации детей, другой продолжало уродовать часть из них. Такие тенденции не могли быть отражены в образах детской литературы, а значит, писатели были существенно ограничены в выполнении наказа Мишаковой не держать детей в «сусально-мармеладном представлении».

По этой теме читайте также:

[«Патриотизмы»](#)

[Андрей Фатеев](#)

[«Детская литература "оттепели": две "правды"»](#)

[Андрей Фатеев](#)

1. «Население России в XX веке. Исторические очерки. Том 1. 1900-1939 гг.» М. Росспэн. 2000. Под ред. В.Б. Жиромской . С. 329 и другие.
2. Вишневский В. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 6 (доп.). М., 1961. С. 498—499.
3. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. 1939, с. 26.
4. РГАСПИ. ФМ. 1. Оп. 2. Д. 190. Л. 105.
- 5 В стране насчитывалось 19.437.979 учащихся с 1 по 10 класс. В 1 – 4 классе учились 11.895.366 человек (61%), в 5 – 7 классе 6.255.266 (32%). В 8-10 классах обучалось 1.287. 347 человек (6,6%) // ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп 75. Д. 4434. Л. 2.
6. РГАЛИ. Ф. 1501. Оп. 1. Д. 90. Л. 1.
7. РГАСПИ. ФМ. 1. Оп. 2. Д. 188. Л. 64, 70.
8. РГАСПИ. ФМ. 1. Оп. 2. Д.188.
9. Там же. Д. 189. Л.144, 146, 157;148, 153.
10. Там же. Д. 189. Л. 157; Д. 190. Л. 56.
11. Там же. Д. 188. Л. 65.
12. Там же. Д. 189. Л. 158.
13. Там же. Д.188. Л.49; Д. 190. Л. 39-43.
14. ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп 75. Д. 63. Л. 1, 2, 8,9, 11.
15. ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп 75. Д. 63. Л. 3.

16. РГАСПИ. ФМ. 1. Оп. 2. Д.188. Л. 62.

17 Примерно 44 % учителей имели среднее педагогическое образование. Высшее педагогическое имели только 9,2% учителей, больше половины которых работали в 8-10 классах, еще 5,6% учителей закончили 2-х годичный учительский институт. 15,3 % имели среднее общее образование, а 21,8 % даже не окончили среднюю школу. Руководство страны было крайне недовольно образовательным уровнем учительства, особенно руководящего состава неполных средних школ, и предпринимало меры по его улучшению. 46,8 % учителей не проработали и пяти лет, примерно 22% имели стаж от 5 до 9 лет. Наиболее зрелых учителей со стажем 10-24 года было 25%, значительная их часть работала в старших классах. В наибольшей степени были обеспечены кадрами Ленинград и область, Москва, Пенза, Молотов. В наименьшей – Алтайский край, Омская, Рязанская, Читинская области, Чечено-Ингушская АССР, Дагестан // ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп 75. Д. 4451. Л. 1-4; Д. 4426. Л. 79-80об; См. также: РГАСПИ. ФМ. 1. Оп. 2. Д.188. Л. 54, 55.

18. РГАСПИ. ФМ. 1. Оп. 2. Д.188. Л. 56.

19. РГАСПИ. ФМ. 1. Оп. 2. Д.188. Л. 52.

20. Там же. Д. 189. Л. 135.

21. Там же. Д.190. Л. 17.

22. Там же. Д.188. Л. 71, 72, 75.

23. Там же. Д.188. Л.72,73.

24. Там же. Д.188. Л. 76.

25. Там же. Д. 188. Л. 110-112.

26. Там же. Д. 188. Л. 120, 139.

27. Там же. Д.190. Л. 58.

28. Там же. Д. 190. Л.11.

29. Там же. Д. 190. Л.10.

30. Там же. Д. 190. Л. 13.

31. Там же. Д. 190. Л.124.

32. Там же. Д. 190. Л. 154.

33. Там же. Д. 190. Л. 131, 136, 137-140, 150.

34. Там же. Д. 190. Л. 125, 126.

35. Там же. Д. 190. Л.134.

36. РГАСПИ. ФМ. 1. Оп. 2. Д. 190. Л. 101-106.

37 ГАРФ. А – 2306. Оп 75. Д. 69. Л. 1; Д. 62. Л. 75-76. 31 марта 1940 года на заседании коллегии наркомпроса РСФСР было зафиксировано, что решение СНК СССР от 31 мая 1935 года в части ликвидации безнадзорности детей фактически не выполняется. «Главными причинами преступлений среди несовершеннолетних в настоящее время являются безнадзорность многих детей, отсутствие воспитательного воздействия со стороны семьи, слабый охват детей внешкольными мероприятиями, недостатки в воспитательной работе школ, детдомов и комсомольских организаций», - констатировали руководители образования. Решение предусматривало усиление координации действий всех заинтересованных ведомств по данному вопросу. Предусматривалось создание родительских комитетов не только в школах, но и при домоуправлениях, «направив их внимание на постоянное изучение бытовых условий учащихся, на воспитание детей в семьях». Мосгорно должно было создать новый сектор охраны детства. Детей надо было защищать, патронировать, трудоустраивать.

38 ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп 75. Д. 69. Л. 1-3. По Ворошиловградской области 10 тыс. детей не охвачены обучением, 2 тыс. детей покинули ее. Это было типично и для Днепропетровской, Кировоградской, Киевской, Полтавской, других областей Украины. Тяжелое положение сложилось в детских домах. В части из них практически полностью развалилась учебно-воспитательная работа, учителя применяли к детям физическое насилие, дети голодали и холодали.

39 ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп 75. Д. 69. Л. 1, 2, 4. Если в 1936 году судебные органы осудили 15031 подростков в возрасте от 12 до 16 лет, то в 1938 уже 20203 человека, в 1940 – 24203. Это на 772 меньше, чем в 1939 году, но все равно не вдохновляло составлять победные рапорты. «Изучение дел о несовершеннолетних показало, - отчитывался Наркомпрос РСФСР Совнаркому СССР 12 апреля 1941 года, - что 40-50% совершивших преступления – ученики школ; около половины – не являлось учащимися школ, а многие из них до совершения преступления вовсе ничем не занимались». Половина подростков была приговорена к условным мерам наказания – судьи «проявляли либеральное отношение к ним», а 30% условно осужденных в ближайшее время вновь совершили преступления.

40. ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп 75. Д. 62. Л. 87-89.

41 ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп 72. Д. 2637. Л. 2. В августе 1940 года по 17 областям и

автономным республикам зафиксирована задержка выплат зарплаты. Директора были вынуждены по несколько раз в месяц ездить в районные центры, напрасно терять время. Чиновники считали положение «совершенно недопустимым» и писали грозные бумаги, однако положение дел на местах оставалось без изменений.

42. Комсомольская правда. 1940. 5 января; 9 февраля.
43. Комсомольская правда. 1940. 28 января. 12 марта.
44. Комсомольская правда. 1940. 27 февраля.
45. Комсомольская правда. 1940. 5 января, 11 февраля.
46. Комсомольская правда. 1940. 10, 11 января.
47. Комсомольская правда. 1940. 11 января.
48. Комсомольская правда. 1940. 11 января.
49. ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп 75. Д. 62. Л. 71, 72.
50. ГАРФ. Ф. А – 2306. Оп 75. Д. 62. Л. 70, 73.
51. Шнайдер Л. Уроки одного судебного процесса // Учительская газета. 1940. 28 марта.

Все права на материалы сайта принадлежат редакции журнала «Скепсис». Копирование публикаций приветствуется при наличии гиперссылки на scep sis.ru и гиперссылки на страницу заимствуемой публикации; коммерческое использование возможно только после согласования с редакцией. Наш e-mail: journal@scep sis.ru